

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН БССР
СЕКТОР АРХЕОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ БССР

ТОМ
I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК БССР
МИНСК 1957

Редакторы:
Е. И. КОРНЕЙЧИК и К. М. ПОЛИКАРПОВИЧ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпускаемый Институтом истории Академии наук БССР сборник статей по археологии Белоруссии под общим заглавием «Материалы по археологии БССР» подготовлен к печати при участии научных работников сектора археологии Института истории, а также некоторых научных работников Института истории материальной культуры и Зоологического института АН СССР.

Статьи сборника посвящены археологическим исследованиям, проведенным в 1945—1954 гг. в БССР. Материалы, не вошедшие в настоящий сборник, будут опубликованы в последующих трудах Института истории АН БССР.

Материалы сборника охватывают различные периоды древнейшей истории Белоруссии, которые могут быть освещены на основании археологических исследований.

Так, статья К. М. Поликарповича «Археологические исследования в БССР в 1945—1953 гг.» излагает основные итоги археологических исследований, которые проводились в БССР с 1945 г.

Статья того же автора «К вопросу о мустьерской культуре в Верхнем Поднепровье» посвящена исследованию и характеристике древнейшего поселения Белоруссии середины ледникового периода у пос. Подлужье Чечерского района Гомельской области.

В его же статье «Стоянки древнего Посожья» дается подробное описание материалов со стоянок эпох неолита и бронзы по среднему Сожу.

О. Н. Мельниковская описывает в статье «Клад латенского времени из юго-восточной Белоруссии» интересный с научной стороны клад серебряных и бронзовых браслетов, обнаруженный при раскопках городища в д. Горошково Речицкого района и относящийся к латенской эпохе V—IV вв. до н. э.).

Статья А. Г. Митрофанова «Городище в Вязынке» представляет итоги его исследований одного из важнейших в археологическом отношении поселений раннего железного века в Белоруссии.

В статье И. Г. Прониной и В. Е. Гарутта «Остатки животных из поселений III—V вв. до н. э. на территории Минской об-

ласти БССР» дается определение фаунистических материалов, добытых при раскопках А. Г. Митрофановым городищ в средней Белоруссии.

Исследования раннефеодального города Белоруссии Минска (Менеска) отражены в большой статье В. Р. Тарасенко «Древний Минск».

В статье дается подробное, широко иллюстрированное описание хода и итогов семилетних раскопок городища (Замчища) древнего Минска. Подробно освещаются вопросы о планировке, устройстве улиц, жилищах города Минска, данные о материальной культуре этого города в XI—XIII вв., о ремесле, сельском хозяйстве, торговле города, о классовой дифференциации населения, политической жизни города. Много места уделено описанию обнаруженного при раскопках каменного храма XII в.

Наконец, статья В. Р. Тарасенко «Раскопки городища «Шведская Гора» в Волковыске в 1954 г.» посвящена раскопкам остатков раннефеодального Волковыска (XII—XIV вв.).

К. М. ПОЛИКАРПОВИЧ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БССР

В 1945—1953 гг.

После Октябрьской социалистической революции наука в БССР достигла небывалого расцвета. Созданные революцией новые политические и социальные условия вызвали появление новых научных учреждений—Института белорусской культуры и на его базе в 1929 г. Академии наук БССР, создание в БССР ряда исследовательских институтов и высших учебных заведений, музеев, краеведческих организаций и т. д. Благодаря этому наука в Белоруссии ко времени Великой Отечественной войны сделала значительные успехи. То же с полным правом можно сказать и об археологических исследованиях в БССР. Итоги археологических работ оставили за собой далеко позади все то, что делалось в дореволюционной Белоруссии.

Война против СССР, развязанная в 1941 г. фашистской Германией, нанесла тяжелый урон всему хозяйственному и культурному строительству БССР. Основной центр научных исследований в БССР—Академия наук—подвергся варварскому ограблению и разрушению вплоть до сожжения здания Академии наук. Собранные до 1941 г., т. е. до начала войны, большие археологические коллекции, хранившиеся в Институте истории Академии наук БССР и в Белорусском историческом музее в Минске, были увезены в Германию, и обратно была возвращена только их часть. Расхищению фашистами подверглись археологические коллекции и других музеев Республики. Вместе с освобождением территории БССР из-под ига германского фашизма началось и возрождение научной деятельности в ней.

Научно-исследовательская работа по археологии БССР после Великой Отечественной войны была сосредоточена в Институте истории Академии наук БССР. В 1944 г. в нем была организована секция археологии и первобытной культуры, несколько позже переименованная в сектор археологии.

Кроме сектора археологии, значительную работу по археологии проводили и другие организации и учреждения. Такая

работа велась Гродненским историко-археологическим музеем, краеведческими музеями в Витебске, Волковыске, Пинске, Мозыре, Слониме, Турове.

В последние годы археологические исследования на территории Белоруссии ведет Институт истории материальной культуры (ИИМК) Академии наук СССР. Научными сотрудниками ИИМК—С. А. Таракановой, П. Н. Третьяковым, Ю. В. Кухаренко—проводились раскопки в Могилевской, Гомельской, Молодечненской и Гродненской областях.

Проведенные после Октябрьской социалистической революции многочисленные археологические экспедиции и обследования показали, что БССР богата разнообразными памятниками различных археологических эпох, и значительно расширили наши знания о древней культуре людей на этой территории.

Главными направлениями, по которым шли археологические исследования на территории БССР в 1945—1953 гг., были:

1) исследования памятников первобытно-общинного строя, включающие в себя а) раскопки памятников среднего и верхнего палеолита наряду с обследованиями памятников неолита и эпохи бронзы и б) раскопки памятников раннего железного века — городищ, селищ и могильников — в средней и южной Белоруссии;

2) исследования памятников раннефеодальной эпохи с постановкой раскопок древнерусских городов (в Гродно, Минске, Волковыске).

Такой характер археологических работ в БССР за указанный период соответствует решениям Всесоюзной археологической конференции 1945 г. в Москве. Впрочем, следует отметить, что конференция указывает несколько большее количество различных археологических памятников Белоруссии, подлежащих исследованию, чем то, которое фактически было охвачено раскопками 1945—1953 гг.

Средний палеолит. До 1953 г. можно было только с известной долей вероятности говорить о существовании людей эпохи среднего палеолита на территории БССР. После исследований 1953 г. о среднем палеолите в Белоруссии можно говорить как об определенном и несомненном факте. До этих исследований было известно несколько не совсем достоверных фактов. Таковы находки остатков шерстистого носорога в д. Гамково Смоленской области, недалеко от границы ее с БССР, которые, как показали раскопки 1953 г. (К. М. Поликарпович), не дают никаких оснований для заключения о существовании в Гамкове местонахождения среднего палеолита.

Также мало доказательными представляются и находки кремней с предполагаемыми следами обработки вместе с небольшими находками четвертичной фауны у д. Клеевичи Костюковичского района Могилевской области.

Более достоверна находка заостренного мустьерского скребла на Каменной Горе к северу от д. Светиловичи Гомельской области, на правом берегу р. Беседь.

На фоне этих разрозненных и иногда мало достоверных находок выделяются большие (по количеству), совершенно достоверные и не подлежащие сомнению находки с мустьерского местонахождения в урочище Колодежки у пос. Подлужье Чечерского района Гомельской области. Здесь в 1926—1929, 1938, 1939 гг. велись значительные раскопки Бердыжской верхнеориньякской стоянки, выявленной в 1926 г. (К. М. Поликарпович). При раскопках здесь наряду с кремневыми орудиями верхнеориньякского времени в большом количестве встречались кремни иного характера, в которых можно было видеть остатки более древнего по времени местонахождения—мустьерского. Этот взгляд неизменно поддерживался с 1932 г. и вплоть до последнего времени К. М. Поликарповичем. В 1953 г. у Подлужья были произведены значительные раскопки, имевшие целью отыскание здесь отдельного пункта с остатками мустьерской культуры, на котором эти остатки залежали бы обособленно и не были бы смешаны с остатками другой культуры (в данном случае прежде всего верхнеориньякской). В 1953 г. здесь было вскрыто 6 раскопов площадью около 350 кв. м. Место основных раскопок расположено в 120 м к северо-западу от места прежних раскопок. Раскопы (особенно 1, 2, 3, 4, 6) доставили значительное количество кремней при полном отсутствии остатков фауны. Подавляющее большинство их имеет на себе следы искусственной обработки мустьерского характера. Впрочем, встречаются кремни и не имеющие на себе решительно никакой обработки. Кремней верхнеориньякского времени в этих раскопах встречено не было.

Кремни представляют собою желваки, типичные мустьерские отщепы и чешуйки, сколотые с дисковидных нуклеусов, пластины и пластинки с таких же нуклеусов, скребла (до 17 штук), небольшое рубильце (находка 1928 г.).

Если присоединить сюда кремни с обработкой мустьерского типа, найденные еще при прежних раскопках, то общее число их должно было составить довольно внушительную цифру (больше тысячи).

В итоге раскопок 1953 г. в Подлужье были добыты данные, которые говорят о наличии здесь остатков поселения второй половины мустьерской эпохи. Это обстоятельство является определенным, не вызывающим сомнений фактом.

Более подробное изложение результатов раскопок 1953 г. дано в статье К. М. Поликарповича «К вопросу о мустьерской культуре в Верхнем Поднепровье», помещенной в данном сборнике.

Что касается определения геологического возраста данного мустьерского местонахождения, то, по В. И. Громову, «на основании геологических данных, мустьерские стоянки должны

быть отнесены к концу миндель-рисского века, нижнепалеолитические, очевидно, соответственно к миндель-риссу и минделю».

Раскопки у д. Подлужье имеют большое научное значение для воссоздания древнейшего прошлого Белоруссии. Они являются своего рода вехой в истории археологического изучения не только Белоруссии, но и всей Восточной Европы. После этих раскопок уже более или менее ясно, в каких направлениях следует вести дальнейшие поиски древнейших культур в Белоруссии, проводя их прежде всего по течению Сожа и Днепра.

Два описанных выше археологических местонахождения — мустьерское и верхнеориньякское — находятся рядом: их основные раскопы разделены расстоянием всего в 100—120 м. Каждому из них можно дать название д. Бердыж, как это сделано для верхнеориньякского местонахождения, известного с 1926 г. как Бердыжская стоянка. Однако при таком способе не получается четкости в выделении каждого местонахождения. Поэтому представляется более удобным назвать эти различные по культуре археологические пункты по-разному: верхнеориньякскую стоянку — Бердыжской, а мустьерскую по другому наиболее близкому к ней поселению — д. Подлужье — Подлужской.

Верхний палеолит. За послевоенное время сектором археологии Института истории Академии наук БССР были проведены в Верхнем Поднепровье большие раскопки четырех стоянок верхнего палеолита, уже известных и частично раскапывавшихся еще до времени Великой Отечественной войны. Это — стоянки нижнемадленского возраста в д. Елисеевичи Почепского района Брянской области, на правом берегу р. Судость, где раскопки велись еще в 1930, 1935, 1936 гг., в д. Юдиново Погарского района той же области, на правом берегу р. Судость, в д. Курово того же района, на правом берегу р. Судость и в д. Новые Бобовичи Новозыбковского района той же области, на правом берегу р. Ипуть.

Все эти исследования проведены под руководством К. М. Поликарповича силами и на средства Академии наук БССР (за исключением раскопок в д. Новые Бобовичи в 1951 г.).

Первые раскопки в д. Елисеевичи в послевоенное время были проведены в 1946 г. и охватили небольшую площадь (в 35 кв. м), граничащую на западе с раскопом 1936 г. Было обнаружено большое количество костных остатков четвертичной фауны (главным образом мамонта и песка) и изделий из кремня. Большой интерес раскопок заключается в находке оружия, имевшего, по-видимому, магическое значение. Оно имело вид правильного круга, составленного из пяти больших лопаток мамонта, с 15 длинными нарезками на одной из них, поставленными вертикально и размещенными в один ряд. Ма-

гический характер этого хорошо сохранившегося сооружения, имевшего вид правильной чаши, подчеркивался наличием в нескольких местах под лопатками небольших скоплений предметов, которые в отношении Елисеевичей стали известными в литературе как чуринги.

Еще в 1935—1936 гг. в Елисеевичах был найден выкопанный в лессе «ход», обставленный тазами, лопатками, трубчатыми костями мамонта. Ход, по-видимому, вел со стороны берега реки ко входу в жилище. Однако при раскопках 1946 г. на предполагаемом продолжении этого хода не оказалось жилища. Оно, вероятнее всего, было разрушено при сооружениях и постройках позднейшего времени, вплоть до XX в.

Помимо этого хода, были обнаружены некоторые другие детали сооружений, которые особенно ярко выступили также и при раскопках 1947 г. на стоянке в Юдинове. Так, в Елисеевичах были обнаружены небольшие части каких-то сооружений, при устройстве которых применялись вертикально поставленные крупные кости мамонта. Для поддержания последних в устойчивом положении их подпирали либо другими более мелкими костями, либо крупными валунами, либо ставили в нарочито вырытые ямки. Подпорка из куска ребра обнаружена и под одной из лопаток, входивших в состав упомянутого уже круга.

В 1948 г. раскопки в Елисеевичах были продолжены. В результате был вскрыт большой раскоп (размером в 85 кв. м), расположенный у самого обрыва к р. Судость, к югу от раскопа 1935 г. Раскопки показали, что на этом месте когда-то располагалось большое наземное жилище (с мощным культурным слоем) типа большого шалаша размером 9,04 м × 8,8 м. Посреди шалаша, метрах в 4 к востоку от обрыва берега, оказалась яма, вытянутая с северо-востока на юго-запад на 3,5 м при ширине до 2,4 м. Яма имела форму овала. Площадь ее по дну доходила до 7,78 кв. м, высота стенок—до 0,7—0,8 м.

На юго-восточном конце овала жилища стенки вовсе отсутствовали на протяжении 2,48 м, т. е. на всю ширину жилища. Этот перерыв указывает, по-видимому, на выход из жилищной ямы наружу, к западу.

В яме было обнаружено много культурных остатков—обрабатываемые и необработанные кости, костный уголь, большое количество кремня (в 1948 г. по всему раскопу найдено 88029 экземпляров), кусочки краски (некоторые с явными иногда несколькими плоскостями стирания), бусы из раковин.

Такой же характер имел культурный слой на всем остальном пространстве древней поверхности стоянки к югу и юго-западу от жилищной ямы с тем только различием, что этих остатков встречалось гораздо меньше, чем в самой яме.

Все ближайшее к яме пространство было покрыто толстым слоем очажного слоя, который, очевидно, выбрасывался, и притом неоднократно, из ямы. К окраине пола древнего шалаша

слой значительно утончался. Все это говорит о том, что яма была центральным местом всего жилища. Принимая во внимание эти обстоятельства и привлекая имеющиеся в этнографии примитивных народов параллели по использованию в качестве жилищ обычных ям (у готтентотов, бушменов, лопарей и др.), можно предположить, что данная яма была зимним жилищем. Для обогрева его пол посыпался горячей золой и потухшими мелкими костными угольками, после чего сверху все застилалось кожами. Когда накаплилось много таких золных слоев, их выбрасывали из ямы, отчего вокруг ямы и образовался толстый слой очажных отбросов.

Из находок, заслуживающих особого упоминания, следует указать на несколько десятков мелких хрусталиков рыб, а также многочисленные землекопалки из ребер мамонта.

Весьма важные и в некоторых отношениях исключительные результаты были получены при раскопках стоянки в д. Юдиново, найденной еще в 1934 г. Первые (и пока единственные) раскопки ее были произведены только в 1947 г. Было вскрыто два больших раскопа, из которых один имел площадь в 100 кв. м, второй—в 38 кв. м, и около двух десятков шурфов. Полученные данные показывают, что стоянка занимала большую площадь вдоль берега р. Судость. Длина ее достигала не менее 300 м, ширина—40—45 м.

Раскопки доставили громадное количество костных остатков, прежде всего мамонтов (около 50 экземпляров).

В обоих раскопах были обнаружены остатки оснований двух жилищ: в раскопе 1 — большого, овальной формы, длинной (во вскрытой части) в 9,46 м, в раскопе 2 — меньшего, круглого, до 5—6 м в диаметре.

Особенностью обоих этих оснований является то, что для их сооружения служили костные остатки мамонтов, притом сложенные в определенном порядке: с наружной стороны обязательно ставились или, что наблюдалось гораздо чаще, укладывались более или менее правильными грудями (похожими на «поленницы» дров) крупные трубчатые кости, лопатки, таза, части позвоночников. Вдоль внутренней стороны этих оснований обязательно ставились в вертикальном положении большие черепа мамонтов (30 черепов).

Еще одну особенность строительства на стоянке в Юдинове составляет то, что кости широко применялись для строительных целей. Прежде всего кости весьма часто служили для поддержки и для устройства подпорок к более крупным костям и черепам. Далее встречено весьма много крупных костей — лопаток и тазов, в которых проделаны сквозные отверстия круглой либо овальной формы диаметром до 10 см.

Аналогичных сооружений на других стоянках верхнего палеолита раньше встречено не было. Только в 1951 г. остатки подобного сооружения были обнаружены А. Н. Рогачевым на

стоянке Аносовка II в Костёнках. В 1953 г. подоонные же ооружения из костей были обнаружены на мадленской стоянке у д. Доброничевка Шрамковского района Черкасской области (раскопки И. Г. Шовкопляса и И. Г. Пидопличко) и на стоянке Костёнки 2 (раскопки П. И. Борисковского).

Внутреннее пространство большого овального жилища было заполнено громадным количеством ребер. Напрашивается предположение, не употреблялись ли ребра для устройства каркаса крыши, который после мог покрываться шкурами животных.

Так как ширина жилища довольно велика, одиночные ребра не могли быть использованы для устройства каркаса. Остается сделать второе допущение: ребра могли связываться при помощи ремней, в которых недостатка не было, по несколько штук вместе для получения длинной жерди или кола. Может быть, в этой связи как-то могут быть объяснены и многочисленные отверстия в лопатках, тазах, бедрах мамонта. В одном случае наблюдалось, что целое ребро было продето в такое именно отверстие в тазу или в лопатке.

Следует указать на весьма интересную находку на стоянке в виде четвертичной черноморской раковины *Nassa reticulata*, которая неоднократно встречалась при раскопках стоянки в Мезине. Находка *Nassa reticulata* в Юдинове представляет пока самую северную находку подобного рода для верхнего палеолита. Расстояние от Юдинова до Азовского моря, у которого (например, в районе Обиточной Косы) встречаются эти раковины (карангатского возраста), составляет 680 км по прямой линии.

С 1927 г. стала известна стоянка людей верхнего палеолита в д. Новые Бобовичи Новозыбковского района Брянской области. Здесь при рытье колодца в глубоком овраге, прорезающем верхнюю надпойменную террасу правого берега р. Ипуть, в 1927 г. были обнаружены остатки 13 молодых мамонтов с единственным лежавшим при них кремневым оружием—верхнепалеолитическим двойным резцом.

Для выяснения вопроса о действительном характере этого местонахождения Брянским краеведческим музеем были предприняты в 1951 г. небольшие раскопки (под руководством К. М. Поликарповича). Рядом с местом колодца 1927 г. было заложено два раскопа. Один из них показал, что небольшие остатки четвертичной фауны (мамонт) опускаются от бровки обрыва верхней террасы вниз ко дну оврага и к колодцу. Повидимому, еще в четвертичное время верхнепалеолитическая стоянка располагалась над оврагом по краю верхней террасы, откуда костные остатки постепенно сползли вниз. Следует, кстати, отметить, что овраг, судя по всем его морфологическим особенностям, возник, несомненно, не позднее конца ледникового времени.

Скудные данные, доставленные раскопками 1951 г., побудили сектор археологии Института истории Академии наук БССР в 1953 г. предпринять дальнейшие исследования этого местонахождения и перенести их уже на самую плоскость верхней надпойменной террасы. Плоскость эта имеет форму узкого треугольника, вытянувшегося с севера к югу приблизительно вдоль долины р. Ипуть. Обрыв к долине образует восточную сторону треугольника и прорезан упоминавшимся уже оврагом, отходящим от долины, в котором расположены указанные выше колодец 1927 г. и два раскопа 1951 г.

В 1953 г. здесь было заложено 4 значительной величины раскопа в разных пунктах верхней террасы.

Все четыре раскопа показали присутствие уже на незначительной глубине (начиная с 1,0 м) красной морены с валунами, прикрытой сверху белыми и светло-желтыми мелкозернистыми древнеаллювиальными песками. Никаких остатков (фауны либо кремней с соответствующей обработкой) ни в одном из раскопов не было найдено.

Таким образом, и после раскопок 1953 г. вопрос о действительном размещении и характере этого местонахождения следует считать открытым. Окончательное решение вопроса о характере этого местонахождения остается делом будущего.

Местонахождение в д. Курово обнаружил К. М. Поликарпович еще в 1930 г. и в том же году обследовал. Последующее обследование было произведено им же в 1936 г. Всего здесь в 1930 и 1936 гг. было вскрыто около 34 кв. м. Из фауны были найдены остатки сибирского носорога, мамонта, лошади, быка, оленя, волка. Кремневых орудий и вообще кремня, за исключением одного, похожего на пластинку обломка, не было обнаружено.

Наконец, раскопки 3—11 октября 1947 г. доставили наряду с остатками фауны до двух десятков кремней, несущих на себе несомненные следы обработки людьми верхнего палеолита (ножевидные пластинки, чешуйки).

Таким образом, удалось установить, наконец, бесспорный факт существования в Курове стоянки верхнего палеолита, относящейся, судя по остаткам сибирского носорога, ко времени ранее конца верхнего палеолита.

Эпипалеолит. Культурными остатками эпипалеолита богаты все части территории БССР. Особенно часты эти остатки по берегам Днепра, Сожа, Ипути, Беседи, Припяти, Немана.

Следует здесь указать на неопубликованные до сих пор материалы обследования, проведенного в 1940 г. К. М. Поликарповичем по правому притоку р. Припять р. Стыр в пределах Брестской области. Обследованием был охвачен правый (южный) берег Стыра на протяжении около 25—30 км между д. Паре Пинского района на юго-западе и д. Ситицк Столинского района на северо-востоке. На этом пространстве было

обнаружено 71 местонахождение эпох камня и бронзы. На этих местонахождениях не один раз встречались находки эпилепеолитического типа.

Следует признать, что в послевоенные годы исследования эпипалеолита были незначительны по размерам. К ним можно причислить также обследование, проведенное М. И. Алексеюком (Брест) в нескольких местах в районе дд. Ополь и Упирова Ивановского района Брестской области.

Эпохи неолита и бронзы. Исследования по эпохам неолита и бронзы также нельзя назвать обширными. Из них можно отметить лишь некоторые.

В августе—сентябре 1945 г. К. М. Поликарпович предпринял обследование вдоль правого берега р. Беседь, начиная от д. Витунь Костюковичского района Могилевской области через м. Хотимск, вплоть до д. Беседки Ершичского района Смоленской области. Обследование охватило 67 км вдоль долины р. Беседь. На этом пространстве было обнаружено 26 небогатых по находкам стоянок неолитической и бронзовой эпох.

После этой экспедиции можно считать все течение р. Беседь, левого притока Сожа (имеющей протяжение в 256 км), обследованным целиком в отношении памятников каменного века и бронзы. Это обследование велось с перерывами с 1924 г. и закончено только в 1945 г. Завершение этой работы позволяет считать весь бассейн Сожа с его притоками Вехрой, Проней, Чечерой, Узой (все справа), Остром, Лобжанкой, Беседью, Ипутью (слева) почти полностью обследованным в отношении памятников каменного века (палеолита, эпипалеолита, эпохи кампиньи, неолита) и бронзы.

В послевоенные годы были отмечены первые для территории БССР следы свайных построек. По времени обнаружения первыми являются свайные постройки, выявленные М. И. Алексеюком. Последний сообщил сведения о находках на озере Ула, у дд. Цинцевичи и Баровцы Вилейского района, восточнее среднего течения р. Нарочь.

Вторым местом с остатками свайных построек в БССР является озеро Вейна у д. Лубяны Бельничского района Могилевской области, на левобережье среднего течения р. Друть.

В июне 1952 г. оно было обследовано автором. Поводом к обследованию явилось сообщение местного гражданина Н. Г. Гончарова из д. Лубяны о находках в этом озере большого количества свай. Обследование автора действительно подтвердило факт находок большого количества сосновых свай небольшой толщины, заостренных на одном конце. Многочисленные сваи были осмотрены в д. Лубяны и в соседнем поселке к юго-востоку от этой деревни.

Обследование берегов и самого озера Вейна показало, что сваи находятся в юго-восточной части озера. Теперь оно уже несколько спущено канавой в р. Друть. Уровень его благо-

даря этому снизился. Все-таки сваи (длина которых в среднем около 4 м) и теперь находятся на значительной глубине — до 4 м. По всем песчаным берегам обширной площади прежнего озера при осмотре было обнаружено 7 точек с находками обработанного кремня и реже керамики эпохи неолита и бронзы. Может быть, с этими находками и связаны остатки на самом озере какого-то сооружения на сваях.

На озере Ула обследование было произведено автором в сентябре 1952 г. Как и на озере Вейна, на восточном берегу Улы (у д. Цинцевичи) в двух местах на песках оказались следы неолита в виде обработанных кремней.

Часть заостренной сваи отсюда была доставлена в сектор археологии Академии наук БССР еще ранее М. И. Алексеюком.

Большой интерес представляет следующий факт, установленный автором. Озеро лежит среди обширной низменности, покрытой в настоящее время болотами. От краев полей до самого озера расстояние от 0,5 до 1,5 км. Со стороны д. Баровцы это расстояние наиболее велико. Здесь, кроме топей, заросших травой и сосновым лесом, сухих участков нет. Однако при расспросах оказалось, что к северо-западу от озера среди болотистого участка тянется до края поля длинный низкий мыс шагов около 30 в ширину. При тщательном осмотре песчаной поверхности мыса в различных местах вплоть до самого поля были обнаружены находки обработанных кремней и керамики. Эти находки косвенно подтверждают предположение о наличии на озере Ула какого-то сооружения на сваях.

В 1951 г. А. Г. Митрофановым были проведены обследования с целью выявления стоянок неолита и городищ: а) по верхнему течению р. Неман (обнаружено 8 неолитических стоянок); б) по верхнему течению р. Шара в Слонимском районе Гродненской области и частично в Бытенском районе Брестской области (найдено 5 неолитических стоянок).

Во время раскопок Юдиновской стоянки верхнего палеолита (см. выше) при удалении лежащих над культурным палеолитическим слоем почвенных слоев совершенно случайно были обнаружены (и исследованы) остатки более поздних культур. Верх почвы содержал в себе селище культуры, соответствующей роменской культуре на р. Десна.

Особый интерес представило выявление на небольшой глубине почти неразрушенного могильника бронзовой эпохи. Всего найдено было 11 погребений. Костяки лежали в могилах на спине головой к северу либо к северу-востоку. Глубина захоронения 40—90 см. На площади могильника найдены три сосуда полушаровидной формы с почти округлым дном. Орнамент на них близок к орнаменту на сосудах из Волосова на Оке, на сосудах Мало-Окуловского могильника и на сосудах поздняяковской культуры.

Было найдено несколько кремневых наконечников стрел поздненеолитического типа. В одном случае они лежали у правой стопы.

В другом погребении с правой стороны черепа обнаружен хорошо сохранившийся наконечник бронзового копья. Он имел в длину 13,9 см, в ширину 3,1 см. На втулке—два отверстия шириной в 0,6 и 0,4 см.

По сумме всех этих данных могильник можно отнести к второй половине второго—началу первого тысячелетия до н. э.

По форме наконечник копья близок к одному из двух известных пока для всей территории Верхнего Поднепровья и Подесенья наконечников из д. Каменка Климовского района Брянской области (на р. Трубеж, правом притоке р. Снов), найденному, вероятно, еще в середине 20-х годов этого века.

Вообще находки бронзовых предметов этой эпохи на данной территории весьма редки. Поэтому не лишена интереса и находка клада в октябре 1948 г. в г. Бежица Брянской области, на левом берегу р. Десна. Клад состоял из вислообушного топора длиной около 16,2 см и наконечника копья длиной 29,6 см.

Железный век. Важным моментом в изучении раннего железного века БССР являются исследования поселений этой эпохи (городищ и селищ), предпринятые по инициативе сектора археологии и проведенные А. Г. Митрофановым в 1950—1953 гг. Эти исследования охватили ряд городищ средней Белоруссии, главным образом в Минской и Молодечненской областях. Раскапывались городища у д. Лабенщина Заславльского района, дд. Збаровичи и Вязынка Радошковичского района, Старая Рудица Дзержинского района, а также у д. Августово Лепельского района Витебской области. Небольшие раскопки были произведены на хорошо известном еще с 1926 г. городище у д. Банцеровщина Минского района (левый берег р. Свислочь).

К востоку от Свислочи и г. Минск были поставлены раскопки городищ на р. Березина у дд. Кимия и Новоселки Борисовского района. Наибольшие раскопки произведены у дд. Лабенщина (992 кв. м), Збаровичи (480 кв. м), Вязынка (284 кв. м), Старая Рудица (110 кв. м).

Все городища доставили обильные в основном однородные материалы, которые дали возможность довольно полно охарактеризовать материальную культуру патриархальных общин, обитавших на городищах территории центральной Белоруссии, а также восстановить картину состояния производительных сил и хозяйства общин в ту эпоху.

В ряду производительных сил, имевшихся в распоряжении патриархальных общин древней Белоруссии, на первое место следует поставить железо, которое было основой материальной культуры того времени. Местное население, жившее на горо-

дищах в последние века до н. э. и в первые пять—шесть веков н. э., вполне уже владело техникой выплавки железа из местной болотной руды и обработки его. Из железа изготавливались все основные орудия производства — топоры, ножи, серпы, шилья, иглы, даже украшения (булавки с завитком в виде латинской буквы S).

На базе широкого развития производительных сил развивалось и хозяйство обитателей городищ и селищ. Основной отраслью хозяйства являлось земледелие, которое было подсечным. Судя по находкам на городище у д. Банцеровщина, обитатели городищ сеяли мягкую пшеницу, просо, знали также горох, конские бобы, вику. Были им знакомы лен и, вероятно, конопля. Хлебные растения сеялись, по-видимому, в значительных количествах. Об этом говорит следующее интересное обстоятельство: на Банцеровщинском городище при раскопках его С. А. Дубинским (1926—1928 гг.) было обнаружено большое количество сосудов с зернами пшеницы и проса. При раскопках городищ неоднократно встречались массивные каменные зернотерки для растирания зерен.

Большое значение получило в эту эпоху скотоводство. Разводились лошади, крупный и мелкий рогатый скот, свиньи. Мясо лошадей употреблялось в пищу. Порода их была мелкой и произошла, по предположению изучавших этот вопрос палеонтологов, от дикого лесного мелкого коня (тарпана), распространенного в древности и в других частях Европы (в Карпатах, на острове Веглия в Адриатике, в Шотландии и т. д.).

Наряду с остатками домашних животных на всех городищах встречаются также многочисленные остатки диких животных — лося, медведя, дикой свиньи, бобра и др. Охота давала населению как мясное питание, так и меха.

Гораздо меньшее значение, чем описанные отрасли хозяйства, имело в то время рыболовство. Как и во все эпохи первобытно-общинного строя, велика была роль собирательства (сбориание орехов, ягод, грибов, корней), широко было развито бортничество — сбор меда пчел, живущих в бортах.

Населению центральной Белоруссии в то время были известны различные домашние ремесла. Главным из них следует признать плавку железа из руды и ковку его. Производились они, по-видимому, в каждом отдельном поселении. Базой для добычки железа являлись обильные местные болотные руды. Находки обломков глиняных домниц для плавки железной руды на городищах Белоруссии не представляют редкого явления. Все имеющиеся древнейшие находки, по-видимому, подтверждают правильность предложенной (К. М. Поликарповичем) датировки наиболее раннего появления железа в Белоруссии (V—VI вв. до н. э.). Основанием для этой датировки является клад, найденный в половине 1930 г. в поле около д. Урицкое (б. Волковицкий Крупец) Гомельского района. В состав клада входили два бронзовых кельта севернорусин-